

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л75

Ломачинский Андрей

Л75 Записки судмедэксперта. / Андрей Ломачинский. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Звезда соц-сети).

ISBN 978-5-17-112664-3

Самые простенькие ситуации в этой книге во многом рассматриваются с позиций судмедэксперта. А судмедэкспертиза, сами понимаете, наука весьма специфическая, и в силу этой самой специфики полна неожиданных детективных поворотов, бытовых мерзостей и медицинского цинизма. Хоть написаны все истории исключительно для широкой, не медицинской аудитории, но всё же слабонервным просьба не читать — рассказы варьируют от абсолютно безобидных околomedicalных баечек до эмоциональных крайностей, затрагивающих порою весьма неприятные и табуированные темы, типа расчелённых трупов, сексуальных извращений или криминальных абортёв. А тем читателям, у кого подобные вещи рвотного рефлекса не вызывают — добро пожаловать в наш мир! В мир военных клиник и закрытых институтов, гарнизонных госпиталей и полковых лазаретов, медбатов и моргов, спецлабораторий и подводных лодок.

А. Ломачинский

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-112664-3

© ООО «Издательство АСТ», 2019

«... — И неимущим, и богатым,
Мы одинаково нужны, —
Сказал патологоанатом,
И вытер скальпель о штаны...»

*из анонимного интернет-комментария
к этим рассказам*

ОТ АВТОРА

Что делает военная медицина в военное время в общем понятно — она оказывает помощь раненым и пораженным в ходе боевых действий. И тут есть один небольшой парадокс — с позиций доктора война ведь всего лишь «травматическая эпидемия», а в эпидемию болеют одним и тем же. Такое интересует в основном узких специалистов — «врачей медицины катастроф». Здесь о масштабных катастрофах ни слова — все рассказы о военной медицине мирного времени. Понятно, что в мирное время сам термин «военная медицина» весьма условен, а в этой книге, так ещё и умышленно упрощён до повседневной медицины военврачей. Большинство случаев, которые здесь описываются, весьма банальны с чисто медицинской точки зрения. Чаще всего уникальна сама жизненная ситуация, приводящая к тому или иному медицинскому казусу. Гораздо меньшая часть историй имеет диаметрально противоположную основу — казус именно медицинский, зачастую необъяснимый с точки зрения современной науки.

И последнее замечание — даже самые простенькие ситуации в этой книге во многом рассматриваются с позиций судмедэксперта. А судмедэкспертиза, сами понимаете, наука весьма специфическая, и в силу этой самой специфики полна неожиданных детективных поворотов, бытовых мерзостей и медицинско-го цинизма. Хоть написаны все истории исключительно для широкой, не медицинской аудитории, но всё же слабонервным просьба не читать — рассказы варьируют от абсолютно безобидных околomedicalных баечек до эмоциональных крайностей, затрагивающих порой весьма неприятные и табуированные темы, типа расчленённых трупов, сексуальных извращений или криминальных абортот. А тем читателям, у кого подобные вещи рвотного рефлекса не вызывают — добро пожаловать в наш мир! В мир военных клиник и закрытых институтов, гарнизонных госпиталей и полковых лазаретов, медбатот и моргов, спецлабораторий и подводных лодок.

БОРЩ С ПИВОМ

Заговорив о «крупногабаритных случаях», сразу вспоминаю ещё одну историю. Дело было в клинике факультетской хирургии. «Факультетка» специализировалась в основном на ургентной абдоминальной хирургии. Поясню что это такое — это когда в животе какая-то проблема, требующая немедленной операции. Ну там аппендицит, ущемлённая грыжа, или например, когда камень в желчном пузыре отток желчи закупорил, та обратным ходом в кровь пошла, а сам пузырь вот-вот порвётся. На хирургическом жаргоне всё это называется «острый живот».

В Военно-медицинской академии (сокращённо ВМА) тогда имелись свои машины «Скорой помощи», которые привозили «тематических» больных — вылавливали по всему городу случаи, попадающие под профильность клиник и необходимых для демонстрационных целей учебного процесса. Так вот, дежурный капитан-клинорд, который попал на этот вызов, буквально через минуту после осмотра больного позвонил назад в клинику, истерически требуя срочно прислать вторую

машину со специальными носилками и четырёх курсантов ему в помощь. Срочно! Очень срочно, потому как остановлено движение поездов на Петроградской ветке метрополитена.

Михаил Александрович демонстрировал «острейший живот», хотя в бытовом понятии его живот был плоским, как аэродром, и зыбучим, как бархан. Эта безмерная жёлтая масса заполнила почти весь проход в вагоне остановленного поезда метро. Там, если не считать доктора, больше никого не было, а тётеньки в форме и менты отгоняли зевак, столпившихся на перроне в момент переполнившейся станции. Сам Михаил Александрович уже не вставал, а вытащить его за руки и за ноги из вагона не смогли, как и не смогли его уместить на обычные носилки из тех, что имеются в медпункте каждой станции. Потому что при росте под метр восемьдесят вес Михаила Александровича приближался к трёмстам кило!

Михаил Александрович был домосед, любитель дивана, телевизора и книжек. Работал он дежурным электриком-цепэушником, точнее оператором центрального пульта управления (ЦПУ) на какой-то мудрёной подстанции. Из всех обязанностей ему вменялось главное — без усталости сидеть по двенадцать часов на стуле в помещении без окон

перед громадным пультом с бесчисленными лампочками, и если где какая лампочка замигает или потухнет, немедленно вызвать по тому месту дежурную бригаду. Сам Михал Александрыч ничего не чинил. Оплата на этом месте была так себе, и туда никто не рвался — сидеть там было невероятно скучно, а смотреть телевизор строжайше запрещалось, поэтому дежурный электрик слушал радио и постоянно что-то жевал, чтоб скоротать время. А вот добираться на работу было без проблем — каждый день маленький автобус их подстанции, полугрузовая, полупассажирская дежурная «летучка» перед работой появлялась под окнами и услужливо сигналлила, а после смены забирала Мишку домой. Впрочем не его одного — часто многих электриков так развозили. Однако если остальных часто, то его — всегда. Народ-то понимал, как тяжело их коллеге приходится! Такая вот полулегальная услуга, своего рода доплата за скуку.

В этот день случилась беда. Впервые за долгие годы работы Александрыч забыл свой «тормозок»! Здоровый свёрток с котлетами, отварной картошечкой, яйцами вкрутую, бутербродами, тремя пакетами молока, а также дюжиной конфеток и кучей бубликов-сухарииков, заботливо приготовленный его женой ещё с вечера, так и остался лежать

в холодильнике. Вместо него Мишка прихватил кулёк сухой алебастровой штукатурки, что завалилась у него с незапамятных времён и что он по случаю обещал кому-то на работе. По инерции взял свёрток в руки и успокоился, хлопнул дверью и, тяжело отдуваясь, потопал до лифта. Жил он на третьем этаже, но лифтом, сами понимаете, пользовался всегда. А про второй свёрток, где завтрак, он же ланч, обед и полдник, как-то совсем забыл...

К середине смены, когда подошло время главного «перекуса», муки голода превратились в настоящую пытку. Мишка обшарил все ящики в ЦПУ, но не нашёл там ничего, кроме несчастной замызганной карамельки. Смокча конфетку как можно нежнее и пытаюсь растянуть удовольствие, он заглянул в мусорную корзину — вчера жена дала ему курицу и, может, там остались кости... Но нет, уборщица уже успела всё опорожнить. Ко дну прилипла маленькая скрученная шкурка от сала. Это уж точно ещё с прошлой недели. Конфетка слизалась окончательно, обдав язык прогорклым повидлом. Через секунду во рту стало совсем пусто. Мишка воровато огляделся — за открытыми дверями никого. Он запустил руку в мусорку, бережно отодрал сальную шкурку и быстро засунул её в рот. На приторный карамельный остаток горько наложился вкус солёного сала. «Дурнэ

як сало без хлиба», вспомнилась ему тёшина поговорка, и тут же шкварочка соскользнула в пищевод. Голода эти находки не утолили, даже наоборот, разбудили какое-то неистовое урчание в кишках, отчего ему стало совсем невыносимо. Мишка тщательно облизал конфетный фантик и, обречённо вздохнув, опустил его в мусор.

Вообще день этот оказался удручающе гадким. К концу смены прибыла дежурная бригада, радостно объявив, что у «летучки» движок дал клина» и завтра им из Горэнерго срочно пришлют другую машину. А на сегодня вся работа отменяется. Мишкиному сменщику уже позвонили, из-за форс-мажора тот припёрся на работу раньше и наконец отпустил голодного Саныча на все четыре стороны. Мишка запыхтел паровозом и быстро, насколько позволяла его комплекция, побрёл на выход. Вообще-то он ненавидел самостоятельные поездки по городу, да и последний раз в метро спускался, пожалуй, пару лет назад. На полпути до станции одышка взяла своё, и Алексадрыч тяжело опустился на лавочку в первом попавшемся сквере. Через минуту мимо проскочил паренёк, кому он принёс алебастр. Заметил Саныча, сразу предложил зайти — пропустить по маленькой. Чего ж не зайти! С удовольствием. Мишка, словно переросток Винни Пух, сглотнул

слюну. В гости это хорошо, благо идти всего до соседнего дома и пытки лестницей не будет — хата на первом этаже.

За заветной дверью вместо ожидаемых вкусных ароматов чего-нибудь жареного в нос ударил запах краски. К сожалению, жена у паренька уехала с детьми в отпуск, и тот временно холостяковал, занимаясь мелким квартирным ремонтом. Такая работа давала уважительную причину самому себе ничего не готовить — главным местом ремонта была кухня. Из всех припасов, что супруга наготовила перед отъездом, осталась одна здоровая кастрюля борща. А мужики — они ведь в таких ситуациях частенько становятся как дети — вначале съедят всё второе, потом пожрут колбасу, а первое стоит, пока не скиснет, коли никто им его не греет и на стол в тарелочке не подаёт. Короче к кастрюле борща даже хлеба нет — единственную корочку пустили на «занюх» припрятанной чекушки водки. Хозяин увидел Мишкин голодный взгляд и подзадорил: «Мих-Саньч, да ты ешь, не стесняйся! Хоть всё съешь — всё равно я этот борщ в унитаз вылью, пожалуй, он завтра уже скиснет. Выручай, чего добру пропадать?!»

И Мишка ел. От пуза ел. Борщ был не густой, кислый, но в общем-то вкусный. Кастрюля быстро пустела. Его коллега смо-

трел на такое чудо и только ахал от восторга, подзадоривая его. Наконец голод отступил, Мих-Саньч наелся. Благодарный хозяин вызвался проводить Мишку до метро. Побрегли неспешно, чинно. Вот уж и станция. А на пятаке перед ней — ларёк, пиво в розлив. Ну давай на прощание по кружечке. По кружечке не вышло, вышло не то по пять, не то по шесть, а может, и побольше, кто их там считал. Хорошо хоть рядом с «точкой» туалет, нужда не мучает. Простояли до закрытия — белые питерские ночи незаметно крадут вечернее время.

Наконец распрощались. Мишка поджал левой рукой живот и кое-как запустил правую руку в брючный карман. Обдавливаемая со всех сторон складками жира, рука нащупала мелочь. Фух, вот он — долгожданный пятак. Протискиваться через через хищные створки Александрыч не любил. Он опустил монетку в крайний турникет, где проход шире, пропыхтел мимо вахтёра и осторожно стал на эскалатор, надёжно перегородив его для всех желающих бежать вниз. Осталось самое страшное — сойти с эскалатора. Он завистливо посмотрел на стайку молодых студентов, весело прыгающих через «гребёнку» где-то впереди. Опасная черта всё ближе и ближе. Мишка сконцентрировался и сделал критический шаг. Тело закачалось, но

ничего — не упал, не потерял равновесия. Слава богу, пронесло. Заранее подгадав место, где остановится вагон, из которого ему будет ближе всего выходить на его станции, Мишка остановился, невольно морщась от удивлённых взглядов прохожих — его фигура явно привлекала внимание. Впрочем, народу на станции было немного, а вскоре подошёл поезд, в котором тоже полно пустых мест. Ну вот и проделана самая сложная часть его сегодняшнего вынужденного путешествия. Мих-Саныч уже успел пропотеть, словно на него вылили ведро воды. Он вздохнул с облегчением, прошёл в вагон и, предчувствуя как приятный холодный дерматин коснётся его липкой спины, с наслаждением плюхнулся на сиденье.

Наслаждения не получилось. Случилось нечто ужасное — как будто ему в живот вогнали кол. Острая боль пробила его. Та боль, что называют скручивающей. Он бы и скрутился, если б не его телеса. Живот грузно сверзился набок, потащив за собой всё тело. Усидеть не было сил, и Михаил Александрович упал, а тут поверх боли вдруг нахлынула такая слабость, что и на помощь не позвать. Миша захрипел, потом жалобно заскулил. Народ повыскакивал с кресел, попытался его поднять. Всё что им удалось, так это перевернуть Мишу на спину. В этом положении ему лежать было

даже тяжелее, чем на боку, его хрип перешёл в громкое сдавленное сипение пополам со свистом, как будто его тело подкачивали велосипедным насосом. Кто-то дёрнул стоп-кран, поезд завизжал тормозами, и из селектора послышался грозный голос машиниста. Уяснив, что происходит, машинист снова тронул поезд, пообещав «Скорую» на ближайшей станции.

На ближайшей станции прибежали два малохольных мента с носилками, но и они не смогли вытащить Мишу из вагона. Ситуация сложилась неприятная — стоит целая ветка, в подземном городе образуется людской затор. Поэтому и завернули туда первую попавшуюся «Скорую», на счастье, с нашим клинордом. Клинорд же оказался мужиком толковым, быстро распознал у этого гигантского толстяка «острый живот», а не стандартную проблему с сердцем. Поэтому и решил эвакуировать больного в свою родную «Факультетку».

Дополнительная помощь в виде четырёх здоровых детей в курсантской форме с раскладными НШБ-2 («носилками широкими брезентовыми» по старой военснабженческой номенклатуре) поспела буквально за минуты. Носилки в проход рядом с телом не вставляли — места мало. Пришлось под него подложить обычные носилки да пару человек поста-